

От Редакціи*)

Почти год отдѣляет выход двѣнадцатаго номера «Новога Града» от его предшественника. Мы еще существуем. Европа не взорвалась, не погибла в пожарѣ новой войны. Это уже огромное достиженіе. Его значительность подчеркивается тѣм — конечно, скорѣе психологическим, — фактом, что сейчас военная опасность кажется болѣе отдаленной, чѣм год тому назад. Как объяснить это новое оптимистическое настроеніе? Никакого замиренія Европы не произошло. Лига Націй потеряла послѣдніе остатки своего престижа. Почти всѣ страны лихорадочно вооружаются. Но среди этих вооружающихся стран с недавняго времени первое мѣсто заняла Англія. И это сразу измѣнило соотношеніе сил. До сих пор вооружались агрессоры — народы мечтающіе о новом раздѣлѣ міра, народы, желющіе войну как высшій принцип жизни. Против них стояла, хотя и вооруженная, но недостаточно сильная Франція. Англія умывала руки, стараясь сохранить нейтральное положеніе в континентальном конфликтѣ. Германія крѣпла и становилась все болѣе вызывающей. Когда весной 1936 года она заняла своими войсками демилитаризованную Рейнскую зону, при молчаніи или даже сочувствіи Англіи, это нанесло престижу Франціи непоправимый ущерб. Франція сразу потеряла, если не симпатіи, то вѣрность своих союзников в Центральной и Восточной Европѣ. Это паденіе французскаго престижа напрасно было бы приписывать политикѣ Народнаго Фронта. Занятіе Рейнской зоны произошло при «правом» кабинетѣ Фландена. Внѣшняя политика Франціи — как и Англіи — мало зависит от смѣны политических настроеній внутри страны. Но паденіе французскаго престижа за послѣдній год — фактъ печальный и несомнѣнный. В числѣ

*) Изложенныя в настоящей статьѣ мысли болѣе подробно развиты в статьѣ «Год борьбы», напечатанной в первой книжкѣ «Русских Записок», выходящих в Шанхаѣ.

первых реагировала Бельгія, разорвав союзныя отноше-
нія, связывавшія ее с Франціей и Англійей, и заняв пози-
цію сторонняго зрителя. Одним из послѣдствій новаго со-
отношенія сил было ослабленіе системы союзов, создан-
ных Франціей в Восточной Европѣ для поддержанія sta-
tus quo. Малая Антанта переживает кризис. Отдѣльные
члены ея, Югославія, Румынія ищут перестраховки, тя-
нутся к сильным, угрожающим сосѣдям. Италія и Герма-
нія, терроризируя хаотическій мір народов центральной и
восточной Европы, объявляют Рим — Берлин осью евро-
пейской политики. Несчастливая Испанія первая почувство-
вала в своем тѣлѣ остріе новой европейской силы.

Сейчас не подлежит сомнѣнію, что возстаніе испан-
ских генералов лѣтом прошлаго года было подготовлено
Германіей, которая поддержала его послѣ немедленнаго
провала и до сих пор, вмѣстѣ с Италіей, не перестает за-
ливать кровью страну. Силы возстанія с самаго начала ока-
зались ничтожными. Солдаты не только не пошли за сво-
ими командирами, но расправились с ними, гдѣ только
могли. Мятеж был бы подавлен немедленно, если бы Гер-
манія не пришла на помощь самолетами, танками, а позже
вмѣстѣ с Италіей — и регулярными частями. Роль Ита-
ліи в этой лицемѣрной интервенціи постепенно росла, и
сейчас является, пожалуй, болѣе значительной, чѣм Гер-
маніи. Сравнительно с ними участіе совѣтской Россіи бы-
ло гораздо скромнѣе, хотя не подлежит сомнѣнію, что
русская авіація в критическій момент спасла Мадрид. Ка-
ковы бы ни были политическія страсти и классовыя про-
тиворѣчія, которыя развязали испанскую трагедію, сейчас
всѣ внутреннія проблемы отошли на задній план. Фаши-
стская интервенція является слабо прикрытым колониаль-
ным завосваніем. Италія ищет опорных пунктов своей им-
періи в западном бассейнѣ Средиземнаго моря. Германія
прежде всего — желѣзных рудников и, может быть, ис-
панскаго Марокко, которое должно быть началом ея ко-
лоніальной экспансіи. С этой точки зрѣнія, испанская ок-
купація является актом, подобным захвату Абиссиніи.
Безсиліе Англіи и Лиги Націй помѣшать разбойничьему

предпріятію Муссолини поощрило на большее. Слѣдующим дѣйствіем пиратов явился захват европейской и культурной страны. Европа, безсильная помѣшать насилію, стремится лишь локализовать войну. Организация невмѣшательства, как она проводится Лондоном и Парижем, фактически предоставляет Испанію Гитлеру и Муссолини. Лишь отчаянное сопротивление народной Испаніи, неожиданная героическая защита Мадрида спутала карты и испортила завосвателям удовольствіе этой колониальной экспедиціи.

За Абиссиніей, Испаніей, кто будет третьей жертвой? Общій голос — и прсжде всего кампанія германской печати — называет Чехословакію. Занятіе Чехословакіи мыслится при этом как первый прыжок в Россію. Реальна ли, близка ли эта опасность? Здѣсь то и выступает на сцену новый, упомянутый выше фактор: вооруженіе Англии. Полное осуществленіе англійской программы относится к будущему. Но неожиданная рѣшимость, проявленная миролюбивѣйшей из демократій, защищать себя и все, что уцѣлѣло от «Европы», как друга солидарных в защитѣ культуры народов, произвела уже охлаждающее дѣйствіе на авантюристов. Германія сбавила тон, — видимо, потеряла интерес к испанской кампаніи, и стоит на переломѣ своей политики. Ея молчаливость и сдержанность допускают различныя интерпретаціи. Но возможен и пересмотр всей германской политики: новая оріентація на Англию, или, шире, на Запад, с обезпеченіем себѣ каких-то (еще не ясных) колониальных компенсацій.

Как печальна судьба мира в нашей Европѣ, если друзья его должны возлагать послѣднія надежды на вооруженія. Мы знаем, по горькому опыту, лживость принципа: *si vis pacem, para bellum*, приведшаго Европу к 1914 году. Знаем, что вооруженія сами по себѣ являются достаточной причиной войн. Если вооруженія Англии заставили нас вздохнуть свободно, то лишь потому, что они дают передышку. Как Европа воспользуется ею, зависит от нея самой.

Истекшій год не принесъ значительныхъ измѣненій в балансе фашистско-демократическихъ сил. Восточная и Средняя Европа остаются чернымъ кругомъ, сжимающимъ чехословацкую республику. Режим диктатуры сдѣлалъ успѣхи в Польшѣ, угрожаетъ Румыніи, за то отступаетъ в Венгріи и в Югославіи.

Фашизмъ в Германіи, конечно, все еще крѣпокъ. Интеллигенція, широкія массы еще не утратили безумной вѣры в путь насилія, какъ выходъ для національных сил Германіи. Международные успѣхи Гитлера поддерживали до сих поръ крѣпость режима. Но важно отмѣтить, что признаки охлажденія и недовольства уже накапливаются. Тяжелыя жертвы, которыя приноситъ страна, сама себя превратившая в военный лагерь и отрѣзавшая себя от хозяйственнаго общенія с міромъ, не могутъ не вызывать недовольства. Населеніе не доѣдаетъ, отказываясь «отъ масла ради пушекъ». Правительство не довѣряетъ рабочимъ, гдѣ социалистическія традиціи оказались неистребимы: выборы в фабрично-заводскіе комитеты не состоялись. Растутъ случаи демонстрацій и протестовъ противъ режима, вчера еще всемогущаго. И в это самое время Гитлеръ имѣетъ безтактность — или идеологическій фанатизмъ — вступить в конфликтъ с католической церковью. Мы должны были бы сказать — с христіанствомъ, если бы расколъ в протестантской церкви и конформизмъ значительной части ея членовъ не затушевывалъ внутренняго смысла борьбы: религія государства и расы противъ религіи Христа. Торжественное осужденіе папой націонал-соціализма, в одной линіи с коммунизмомъ, имѣетъ громадное моральное значеніе. Этотъ актъ Пія XI освобождаетъ совѣсть милліоновъ христіан от бремени сомнѣній, хотя и указываетъ для нѣмецкихъ католиковъ тернистый путь исповѣдничества.

Менѣе остръ и публиченъ конфликтъ между Гитлеромъ и военными кругами, назрѣвающимъ в послѣднее время. Армія, конечно, не возражаетъ противъ деспотизма, но у нея есть собственные взгляды на задачи національной обороны. Это расхожденіе сказалось в испанскомъ предпріятіи и, повидимому, оно вынудило Гитлера нѣсколько свернуть

военныя операциі. Пока одержимый пророк націонал-соціализма сохраняет достаточно ума, чтобы повиноваться саблѣ (примиряясь с враждебным ему Людендорфом), его власть спасена. Но тогда она все болѣе превращается в идеологическое прикрытіе военной диктатуры. Так уже проясняется один из путей (повидимому, наиболѣе вѣроятный для Германіи) ликвидаціи расистской революціи. Увы, этот путь не совпадает ни с надеждами демократіи, ни с интересами мира. Но, подводя итоги германской «революціи», несправедливо было бы отрицать ея социальныя достиженія. Мы говорим здѣсь не только о государственном планѣ народнаго хозяйства, но и о перерожденіи классовой структуры общества. Соціальный демократизм сдѣлал в Германіи большіе успѣхи. Интеллигенція приблизилась к народу. Имущественное неравенство смягчилось. Государство сдѣлало шаг навстрѣчу трудовому идеалу, и соціальное обезпеченіе низших классов не является там пустым звуком, как в коммунистической Россіи.

Фашистская Италія не проявила подобнаго соціальнаго напряженія. Ея хозяйственная структура почти не отличается от капиталистических стран (буде таковыя еще существуют). Корпоративное государство построено на бумагѣ. Поэтому язвы умирающаго капитализма чувствуются и в Италіи — в той же мѣрѣ, как и повсюду. Вся энергія Муссолини поглощена наважденіем имперіи. Провозгласив себя Имперіей, Италія вступила на путь завоеваній. Ея успѣхи, опьяненіе славой окружают режим извѣстным ореолом. Однако, это и подрывает его прочность. Война, даже счастливая, требует огромнаго напряженія денежных и человѣческих средств — быть может, превышающих возможности итальянскаго народа. Абиссинія далеко еще не покорена, война в Африкѣ вступила в хроническій фазис, и когда еще новая Имперія станет рентабельной? Достаточно серьезной внѣшней неудачи, чтобы режим дал трещину. Имперія Муссолини, гораздо менѣе современная, чѣм «Рейх» Гитлера, очень напоминает имперію Наполеона III. Тот же конец угрожает и ей, хотя сейчас ея вождь еще идет от успѣха к успѣху.

В лагерь демократіи мы имѣем основанія смотрѣть с удовлетвореніем на истекшій год. Год борьбы и усилій, настоящаго и притом безкровнаго строительства. Уже никто не имѣет сейчас права на позорное уравненіе: демократія — капитализм. Из демократій Запада лишь Англія медлит или собирается с силами. Однако, есть признаки, говорящіе о приближеніи Англии, со всей серьезностью, к постановкѣ соціальной проблемы. В трех странах соціальные «опыты» стоят в центрѣ мірового вниманія. (О других опытах, как, напримѣр, в Швеціи или в Швейцаріи говорят мало). Америка по-прежнему идет впереди, и от результатов ея работы в значительной мѣрѣ зависят судьбы міра. Рузвельт с непредвидѣнным и небывалым триумфом вышел из національнаго испытанія выборов. Можно было опасаться, что его собственная удача, преодоленіе кризиса, смягченіе безработицы, вызванный им дух prosperity — приведут к капиталистической реакціи. «Мавр сдѣлал свое дѣло». Прикоснувшись к священным в Америкѣ интересам капитала, затронув в принципѣ свободу хозяйства, Рузвельт вооружил против себя слишком могущественных врагов. И вот нація огромным большинством своим дала ему мандат на продолженіе опыта. Верховный Суд, опора соціальной реакціи, склонился перед волей народа.

Франклин Рузвельт не доктринер. В этом, безспорно, его сила. Он проводит свой опыт, не провѣряя предвзятую идею, а нащупывая новое, неизвѣстное. Он прав, ибо всѣ готовыя экономическія идеи провалились. Но в этом эмпиризмѣ есть и элемент слабости. Дѣйствуя с разных концов, президент вывел страну из хозяйственнаго кризиса. Однако вся структура стараго общества осталась непоколебленной. Капитализм еще существует, биржа еще хозяйничает, и даже способна гангстерскими приѣмами спекулятивной игры снова поставить народ на край гибели. Рузвельт видит это и не обольщается новым подъѣмом. Он признает его спекулятивный характер. Что он предпримет для конструктивнаго преодоленія капитализма, мы не знаем. Знает ли он сам? Пока, главным дости-

женіем перваго періода опыта остается побѣда над экономическим индивидуализмом. В Америкѣ это гигантская сила. Она была еще недавно душой національной жизни. Теперь она убита.

Новое явленіе американской жизни — это возросшая активность рабочаго класса. Непрекращающаяся волна забастовок об этом свидѣтельствуует. Движеніе нашло себѣ вождя в лицѣ Джона Льюиса, уведнаго часть рабочих союзов из-под консервативнаго руководства старой Федерациі. Вдали от событій, мы не можем еще оцѣнить по-достоинству новую силу. Она не хочет быть революціонной. Льюис ведет борьбу с коммунизмом. Рост сил рабочаго класса в Америкѣ есть факт, безспорно, положительный. До сих пор капиталистическій мір был много сильнѣе рабочаго. Именно он оказывал главное противо-дѣйствіе социальным реформам. Стаечное движеніе шло в руслѣ Рузвельтовской политики, для которой повышение рабочаго standard of life и индустриальная демократія являются необходимыми звеньями. Однако, методы борьбы, выходящіе из рамок легальности, вызывают сомнѣнія. Если сила сдѣлается в Америкѣ рѣшающим фактором, и руководство движеніем выпадет из рук правительства, странѣ не миновать гражданской войны. С другой стороны, сепаратныя выступленія рабочаго класса могут разбить единство интересов в лагерѣ демократіи. Если фермеры выступят против рабочих (признаки чего уже на-лицо), все дѣло Рузвельта погибнет. Классовая борьба в Америкѣ — как и в Германіи, как и всюду — оказывается сильнѣйшим врагом конструктивнаго социализма.

Бельгійскій опыт продолжается, хотя естественно привлекает к себѣ меньше вниманія. Обще-народная коалиція трех партій — католиков, социалистов и либералов, составленная для проведенія социальной реформы, — не распалась. Ван-Зеланд вышел побѣдителем из испытаній. Что касается реформы, то закончена до сих пор лишь финансовая ея часть. Государство стало руководителем всей системы кредита. Остаются задачи гораздо большей важности: организація хозяйственной жизни. В какой мѣ-

рѣ план Де-Мана, вдохновлявшій первые шаги реформаторов, воплотится в жизнь, неизвѣстно. Реформа в Бельгiи проводится с большой постепенностью, — можно сказать, медлительностью. Не нам судить работников, в добрую волю которых мы вѣрим. Но эта медлительность, несомнѣнно, привела Бельгiю на край очень опаснаго кризиса, из котораго она до сих пор выходит благополучно. С одной стороны, стачки углекопов указывают на недовольство масс. С другой, быстро растущее фашистское движеніе рексистов эксплуатирует, как это недовольство, так и страх буржуазіи перед коммунизмом. В Бельгiи мы присутствуем при единоборствѣ двух сил, притязающих на руководство общественной реформой: фашизма и демократіи. Дегрель обладает всѣми качествами, которыя дѣлают вождя популярным для масс: энергiей, вѣрой в себя, безстрашіем в обличеніи социальних язв. К сожалѣнію, Ван-Зеланд, человек науки, а не трибуны, не обладает темпераментом бойца и демагога. Он едва не выпустил из рук руля. К счастью, здравый смысл народа сдѣлал свой выбор. Дегрель потерял жестокое разочарованіе на Брюссельских выборах. Но и демократія должна вынести из пережитаго кризиса урок для себя: она не может работать в кабинетах, без постоянной связи с массами; ощущеніе пульса народной жизни, народнаго волненія должно передаваться ей и опредѣлять темп ея работы.

Послѣ опытов Рузвельта и Ван-Зеланда — опыт Блюма. Но можно ли говорить об опытѣ Блюма в том же, социальном смыслѣ? Признаюсь, на исходѣ перваго года, мы в этом сомнѣваемся. Блюм произвел много реформ — социальних, демократических, справедливых: положеніе рабочаго класса серьезно улучшилось, — в рамках капитализма. Сокращеніе трудового дня и трудовой недѣли, двухнедѣльные каникулы, ограниченіе власти патрона на заводѣ властью синдиката, — все это давно назрѣвшія реформы, но большей частью осуществленныя в передовых странах капитализма еще в XIX столѣтіи. Из органических реформ можно назвать, пожалуй, нормировку сельскаго хозяйства — его продукціи и его цѣн. Ставит ли перед со-

бою Блюм задачу соціального переустройства общества? Много раз он отрицал это. Он подчеркивает незыблемость собственности и прав предпринимательства. Он отрицает свое намерение вести социалистическую политику. Блюм пришел к власти как вождь Народного Фронта, участие радикалов в котором полагает границы социальному новаторству. Официальной целью Народного Фронта была борьба с фашизмом. Социальные реформы явились лишь побочным вознаграждением одного из участников общей победы. Но нет сомнения, что жизнь увела Народный Фронт гораздо дальше поставленных им целей. Жизнь — это прежде всего давление рабочего класса, упорного сознанием своих сил, идущего от победы к победе и, конечно, не желающем помириться на меньшем, чем на уничтожении предпринимательской власти.

Здесь одна из опасностей, подстерегающих Блюма. С приходом к власти его кабинета и по настоящий день не прекращаются забастовки, часто стихийные, во всяком случае не руководимые никакими ответственными организациями рабочего движения. Ни С.Ж.Т. (профсоюзы) ни коммунистическая партия не руководят массами. Забастовки не отличаются характером насильственности (правда, нигде правительственные силы не выступают против них), но они и не пытаются держаться в рамках закона. В политической жизни Франции давление масс сказывается гораздо грубее. Им удалось почти уничтожить свободу собраний для правых партий. В уличных столкновениях, не всегда безкровных, народ поддерживает свое право на своволие. Правительство проявляет почти полное бессилие, вызывая тревожные опасения на счет возможности революционной диктатуры.

Если в политике власть уступает пролетариату, то в вопросах финансовых капитал диктует свою волю. В этом главный парадокс французской жизни. Блюм, нуждаясь в огромных средствах для своих социальных реформ, равно как и для национальной обороны, вынужден прибегать к займам. И здесь буржуазия ставит ему свои условия. Коммунисты, или рабочие массы, не понимают этой необходи-

мости. Им кажется, что богатые — 200 семейств — должны платить за все. Но распределение богатств во Франции дѣлает иллюзорными надежды на экспроприацию капиталов путем налогового обложения. Франция — страна мелких собственников, мелких рантие. Во Франции бѣдняки живут процентом с капитала и не допустят экспроприации. В этой социальной структурѣ Франции положен предѣл социальной реформѣ. Франция не может быть ведущей страной социальных опытов. Правительство Блюма мы назвали бы правительством не опыта, а перемирия.

С этой точки зрѣнія, Блюм до сих пор блестяще справлялся со своей трудной задачей. Его кабинет — один из самых твердых в истории III республики. Огромное парламентское большинство ему до сих пор не изменяет. Много ума, такта, гибкости и доброй воли проявил вождь социалистов в тяжелой роли примирителя. Эта роль подчас становилась трагической — как в кровавую ночь Клиши. Едва ли Блюм обманывает себя большими надеждами. Но Франция оцѣнила его добрую волю. Блюм внушает уважение и своим врагам. До сих пор средние классы, несмотря на то, что они одни несут тяжелые жертвы, поддерживают Народный Фронт, конечно, потому, что за крушением его предвидят взрыв гражданской войны. Дороговизна жизни, все возрастающая со времени девальвации (до 30%) всего тяжелѣе давит интеллигенцію, чиновничество, мелкого труженника. В этом новая опасность для режима. Вѣдь, из этого источника, из разорения средних классов — фашизм черпает вездѣ свои силы. Во Франции сейчас фашизма, как политической силы, почти не существует. Но он неизбежно воскреснет, если отчаяние овладеет средними классами. В такой обстановкѣ, при такой социальной структурѣ, не приходится думать, что Блюм создаст новую, трудовую Францию. Его роль — продержаться, выиграть время, спасти націю от гражданской войны — в ожидании лучших времен: когда контуры нового социального строя, выработанного в какой-либо другой странѣ, приобретут достаточную определенность, чтобы распро-

страниться путем рецессии, подобно старому парламентскому режиму.

Гражданский мир, сохраненный во Франции, давно нарушен в Испании. Уже год, как эта прекрасная страна сдѣлалась ареной одной из самых жестоких гражданских войн, какія знала исторія. Звѣрства, совершаемые противниками обоих лагерей, дѣлают почти невозможным безраздѣльное сочувствіе какой-либо из сторон. Конечно, обнажившій меч несет и полную отвѣтственность. Просто непонятно, каким образом в широких кругах испанская смута может пониматься, как революція коммунистическая или анархическая. Возстаніе было с самаго начала фашистским. Коммунисты и анархисты защищали законный, демократическій порядок. Справедливость требует, однако, признать, что этот порядок вырождался уже в беспорядок, и фашистская революція была, в какой-то мѣрѣ, самообороной имущих классов. Иностранное вмѣшательство (которое, впрочем, и подготовило возстаніе) спутало карты. Сейчас выбор позиціи для демократическаго наблюдателя диктуется уже цѣлым рядом обстоятельств. Его сочувствіе с испанским народом, отстаивающим свою независимость от интервентов, с народом — против привилегированных собственников, с демократіей против фашизма. И, однако, как мы сказали, это сочувствіе не может быть безраздѣльным. И не однѣ жестокости, совершаемыя защитниками республики, тому причиной. Другой источник нашей сдержанности — сомнѣніе в смыслѣ и цѣли борьбы, в результатѣ возможной побѣды. Невозможно, чтобы побѣдившій народ вернулся к старому режиму, к буржуазной демократіи. Он неизбежно потребует полного удовлетворенія своих социальных чаяній, — и здѣсь страну ждет новая чаша испытаній. Достаточно сказать, что анархисты в Испании составляют главную силу Народнаго Фронта. Возстаніе, недавно поднятое ими в Барселонѣ, показывает, чего республиканская власть может ждать от этих своих союзников. Между социалистами, коммунистами, анархистами и небольшими группами буржуазной демократіи неизбежна борьба. Едва

преодолев одну гражданскую войну, Испания рискует быть свергнута в другую. По примитивности своего социального строя, а также по индивидуализму своего национального характера (здесь отличие от России) Испания — страна совершенно непригодная для социальных опытов. К сожалению, народы, социально меньше всего созревшие для социализма, политически всего восприимчивее к зовам революции.

В событиях испанской «революции», также как и в борьбе Народного Фронта во Франции чрезвычайно интересна роль коммунистов. И здесь и там они потеряли свою позицию крайней левой и превратились в защитников демократической коалиции. Их революционная роль кончилась. Они стремятся вернуться в лоно социализма, из которого они вышли в 1920 году. Их наследие принимают во Франции «троцкисты» под самыми различными наименованиями, в Испании, кроме того, анархисты. Объяснения нужно искать, конечно, в Москве. Москва играет очень крупную роль в европейской политике, и сейчас эта роль уже перестала быть революционной. Причины много: здесь имеют место и соображения о безопасности СССР, система союзов с западными демократиями, которая несовместима с подрывом тыла своих союзников. Но главное, другое. Коммунизм утратил свою революционную вирулентность в самой России, превратившись в партию российского национал-социализма, в партию Сталина.

**

В России тревожно. Россия вышла из ледяной неподвижности своего «полярного» социализма. Внутренние процессы, разлагавшие долго коммунистической ледяной дом, прорвались наружу в стремительных обвалах старой идеологии, в крушении стольких революционных карьер. Последний год был, бесспорно, самым критическим в России со времени гражданской войны.

Правда, за всеми переменными, реформами, процессами, происходящими в России, остается неизменным одно:

самодержавіе Сталина, тот личный режим, которым завершилась, совершенно логически, партійная диктатура. Чѣм дальше, тѣм больше власть Сталина становится непрерываемой, неограниченной. Если раньше он правил от имени партіи, то теперь он правит от имени народа. В этом, в расширеніи базы его личной диктатуры, заключался для него первоначальный смысл націонализаціи Октября. Начавшись нѣкогда с ограниченія революціонных задач «построеніем социализма в одной странѣ», за послѣдніе годы націонализація революціи сдѣлала огромные успѣхи. Реабилитация родины, патриотизма, русской исторіи, русской культуры — вот положительные итоги духовной контр-революціи Сталина. С особой силой грома диктатора обрушиваются на запоздалые голоса анти-національной марксистской традиціи: на живого Демьяна, осмѣливагося глумиться над русскими богатырями и крещеніем Руси, на мертвого Покровскаго, вытравлявшаго все положительное содержаніе в русской исторіи. Оправдывая подвиг св. Владиміра, Димитрія Донскаго, Петра Великаго, Сталин чувствует себя продолжателем их историческаго дѣла. Кажется, что он предпочел бы быть русским царем, чѣм вождем мірового пролетаріата.

Одновременно с націонализаціей идеологій происходит общес гоненіе на классическій марксизм-ленинизм во всѣх отдѣльных его приложеніях: в философіи, естествознаніи, экономикѣ, правѣ, исторіи, художественной культурѣ. Совершается это под флагом борьбы с троцкизмом, но истребляется то, что всегда составляло самую сущность русскаго марксизма в его ленинской транскрипціи. От Маркса и Ленина остается лишь имя, священная символика, которая пока нерушима, потому что с ней связана память об Октябрѣ, о славѣ гражданской войны, о самом происхожденіи новаго строя. Для послушных Сталинских перьев поставлена целгкая — точнѣе, неразрѣшимая — задача: оправдать новую націонал-соціалистическую идеологію от имени убиваемаго марксизма. Это сообщает особо отвратительный отпечаток лжи всему тому, что пишется по части идеологій на страницах офиціоз-

ной прессы, и эта ложь морально обезцѣнивает радость освобожденія от пут мертвой доктрины.

До сих пор эволюція сталинизма протекла довольно прямолинейно, хотя и болѣе бурно в послѣдніе мѣсяцы. Ни социальныя основы государственнаго капитализма, ни политическій характер власти (единодержавіе Сталина) этой эволюціей не затронуты. Но послѣдній год принес цѣлый ряд явленій, совершенно новых, еще не выяснившихся в своем значеніи, еще не укладывающихся в простую эволюціонную схему. Создается впечатлѣніе, что диктатура мечется в судорожной борьбѣ со своими — для нас невидимыми — врагами, и что она дѣлает опасные эксперименты для удержанія своей, казалось бы, весьма прочной власти.

В первую очередь, новая серія политических процессов, жертвами которых становятся один за другим всѣ ученики и соратники Ленина. Сталин не довольствуется тихим политическим убійством своих бывших товарищей: он ставит их к стѣнкѣ в подвалах Че-Ка. Десятки официальных казней сопровождаются тысячами арестов и ссылок. Кажется издали, что вся гигантская машина Че-Ка работает теперь не для истребленія остатков буржуазных классов (открыто реабилитируемых Сталиным), а для истребленія большевиков.

Внѣ всякаго сомнѣнія, Сталинскіе постановочные процессы представляют чудовищное нагроможденіе лжи, гдѣ почти немислимо добратъся до крупницы истины. Эта крупница, однако, существует. Иначе ярость Сталина была бы необъяснимой. Очевидно, старая гвардія Ленина не хочет молча сходить на нѣт. Оппозицію ли только уничтожает Сталин, или серьезную опасность заговора против своей власти — мы не знаем. Во всяком случаѣ мы понимаем, что эта оппозиція — слѣва, и что, добывая ленинцев и громя свою бывшую партію, Сталин может лишь содѣйствовать своей популярности в странѣ.

Но дѣйствительно ли он пользуется популярностью? Не является ли он скорѣе предметом ненависти для масс, и не диктуются ли его послѣднія дѣйствія стремленіем от-

вести от своей головы эту ненависть на головы своих со-
трудников, старых партійцев и даже вѣрных исполни-
телей?

Об этой ненависти к «отцу народов» и к его режиму вообще все больше говорят за послѣднее время наблюдатели Россіи, иностранцы и русскіе бѣглецы. С тѣх пор, как Сталин поставил свою ставку на сильных, на новую «знать», разстояніе между класами в Россіи начало рѣзко возрастать. Матеріальное положеніе рабочих ухудшилось вмѣстѣ с ростом предъявляемых к ним требованій. Колхозное крестьянство вообще не могло примириться с его новым крѣпостным положеніем. Вот почему так двоятся — или двоились — за послѣдніе годы голоса из Россіи. «Строители», инженеры, стахановцы, командиры арміи, интеллигенція имѣют основаніе быть довольными общим направлением политики. Писатели, засыпанные фигуральным золотом, может-быть, не за страх, а за совѣсть воспѣвали вождя. На верху культурныя достиженія были несомнѣнны и исполняли искренних работников культуры бодрым чувством оптимизма. Но в то же самое время в низах, — в колхозах, на заводах, не говоря уже о милліонах лагерных каторжан — зрѣло недовольство. Безсильное, разочарованное двадцатилѣтним опытом революціи, недовольство это не могло принять открытых форм протеста. Но оно ушло внутрь, затаилось и отравляло всѣ корни социальной жизни. Сталинская Россія строится на зыбкой, предательской почвѣ. Наблюдатели говорят о пораженческих настроеніях. Сталин лучше нас видит эту опасность. Приняло ли недовольство масс в послѣднее время болѣе активныя формы? Мы не знаем. Но цѣлый ряд фактов свидѣтельствует о попытках успокоить это недовольство низов — или обмануть его.

Сюда относятся прежде всего толки о партійном и безпартійном демократизмѣ, толки, переходящіе и в политическія дѣйствія. Перевыборы снизу партторгов и секретарей коммунистических ячеек были первым опытом. Опыт этот не носит комедійнаго характера. Массам рядовых коммунистов — вряд ли сильно отличающимся по

своим настроеніям от народной среды, — предоставлено было расправиться с давившими их партійными держимордами. Попутно были вычищены «троцкисты», конечно, но, главное, был дан выход народному гнѣву — правда, в самом благонадежном, партійном секторѣ. Обѣщанная и прокламированная Сталиным конституція предполагает провести этот опыт в болѣе широком, всенародном масштабѣ. Сталин обѣщает дать массам право забаллотировывать партійных кандидатов. При отсутствіи всякой свободы и организованности масс это право не представляет большой опасности для диктатора. Но отдушиной недовольства оно может явиться. Может ли оно стать первой ступенью к настоящей, хотя бы и своеобразной, совѣтской демократіи, — в этом и заключается основной, неразрѣшимый для нас вопрос русской жизни. Вопрос о том, способен ли Сталин осуществить, или хотя бы начать необходимое раскрѣпощеніе русской жизни, который в свою очередь распадается на два вопроса: понимает ли он неотложность этой задачи и способен ли он лично разрѣшить ее?

На второй вопрос легче дать отрицательный отвѣт. Личность Сталина столь отягощена грузом преступленій, его имя столь связано с закрѣпощеніем крестьянства, его вредительская роль, или отвѣтственность за всѣ срывы и неудачи строительства, особенно явные в текущем году, столь несомнѣнна, что едва ли ему может удалиться спуск на тормозах. Судорожныя, кажушіяся почти безумными, дѣйствія его намекают на то, что вопрос для него идет о собственной головѣ. Расправа с Ягодой и бывшим ГПУ, посягательство на маршалов Красной Арміи как будто свидѣтельствуют о том, что в ближайшем кругу его сотрудников зрѣют заговорщицкіе планы.

Но что бы ни случилось, и в чьих руках ни оказалась бы завтра власть, наша установка, русских патриотов и демократов, ясна. Мы не можем ставить на катастрофу, на разгром Россіи, на раздѣл ея в условіях серьезной иностранной угрозы, хотя бы под флагом так называемой «національной» революціи. Наша ставка не на разруши-

тельные, а на созидательныя и охранительныя силы: прежде всего на новую русскую интеллигенцію «строителей» Россіи, на ея политическій разум, не потерявшій окончательно связи с породившим ее народом. В единеніи народа со своей интеллигенціей — залог раскрѣпощенія народнаго труда и освобожденія русской культуры.

Жребій Пушкина

(Читано на засѣданіи Богословскаго Института
памяти Пушкина 28 февраля 1937 года)

1.

Русскій народ, вмѣстѣ со всѣм культурным міром, нынѣ поминает великаго поэта. Но никакое міровое почитаніе не может выявить того, чѣм Пушкин является для нас русских. В нем самооткровеніе русскаго народа и русскаго генія. Он есть в нас мы сами, себѣ окрывающіеся. В нем говорит нам русская душа, русская природа, русская исторія, русское творчество, сама наша русская стихія. Он есть наша любовь и наша радость. Она проникает в душу, срастаясь с ней, как молитва ребенка, как ласка матери, как золотое дѣтство, пламенная юность, мудрость зрѣлости. Мы дышем Пушкиным, мы носим его в себѣ, он живет в нас больше, чѣм сами мы это знаем, подобно тому как живет в нас наша родина. Пушкин и есть для нас в каком то смыслѣ родина, с ея неизслѣдимой глубиной и неразгаданной тайной, и не только поэзія Пушкина, но и сам поэт. Пушкин — чудесное явленіе Россіи, ея как бы апофеоз, и так именно переживается нынѣ этот юбилей, как праздник Россіи. И этот праздник должен пробуждать в нас искренность в почитаніи